
Between Everyday Life and Myth: Elements of Magical Realism in The Namesake and in Jhumpa Lahiri's Short Prose

Marguba Khamzaevna Rakhimova
Doctoral Student,
Samarkand State Institute of Foreign
Languages

Annotation *This article examines the evolution of magical realism in the works of American writer Jhumpa Lahiri. The author explores the themes of cultural trauma and the search for identity by examining how irrational elements are woven into the realistic fabric of her narratives. The article also devotes special attention to analyzing the novel «The Namesake» through the lens of the magical determination of names and elements of «spectrality» in her short fiction.*

Keywords *Magical realism, Jhumpa Lahiri, cultural trauma, spectrality, diaspora literature, intertextuality*

Hayot va mif oralig'ida: "The Namesake" romani hamda J. Lahiri kichik nasrida sehrli realizm unsurlari

Rahimova Marg'uba Hamzayevna
Doktorant,
Samarqand davlat chet tillar instituti

Annotatsiya *Ushbu maqola amerikalik yozuvchi Jhumpa Lahirining asarlarida sehrli realizm evolyutsiyasini o'rganadi. Muallif madaniy travma va o'ziga xoslikni izlash mavzularini o'z hikoyalarining realistik matosiga irratsional elementlarning qanday to'qilganligini o'rganish orqali o'rganadi. Maqolada shuningdek, «The Namesake» romanini nomlarning sehrli ta'rifi va uning qisqa badiiy asaridagi «spektrallik» elementlari nuqtai nazaridan tahlil qilishga alohida e'tibor qaratilgan.*

Kalit so'zlar *Sehrli realizm, Jhumpa Lahiri, madaniy travma, spektrallik, diaspora adabiyoti, intertekstuallik*

Между бытом и мифом: элементы магического реализма в романе «Тезка» и малой прозе Дж. Лахири

Рахимова Маргуба Хамзаевна
Докторант,
Самаркандского государственного
института иностранных языков

Аннотация *В этой статье рассматривается эволюция магического реализма в произведениях американской писательницы Джумпы Лахири. Автор помогает раскрыть тему культурной травмы и поиска идентичности, изучая, как иррациональные элементы вплетаются в реалистическую ткань повествования. Также в статье особое место уделяется анализу романа «Тезка» через призму магической детерминации имени и элементов «спектральности» в ее малой прозе.*

Ключевые слова *Магический реализм, Джумпа Лахири, культурная травма, спектральность, литература диаспоры, интертекстуальность*

О творчестве Джумпы Лахири, признанного лауреата Пулитцеровской премии, обычно говорят в контексте постколониального дискурса. Ее роман «Тезка» и ранние сборники рассказов прославили ее как мастера психологического реализма. Она очень подробно описывает повседневную жизнь и психологию бенгальской диаспоры в США (Bhabha, 1994, p. 112). Культурная гибридность, конфликт поколений и проблемы ассимиляции являются основными темами ее творчества.

Однако при более глубоком рассмотрении художественной эволюции писательницы становится очевидным, что ее реализм трансформируется. Исходя из этого, мы предполагаем, что в художественной ткани ее прозы начинает проявляться так называемый «мерцающий» магический реализм. Он интровертен и носит психологичный характер, в отличие от классического латиноамериканского канона, где чудо встроено в физический мир. Хоми Баба говорит, что состояние культурной гибридности создает «неприкаянность» (unhomeliness) (Bhabha, 1994, p. 141), что проявляется в текстах Лахири через странные совпадения и призрачные образы. Следовательно, магия в ее текстах не просто декорация; это единственный способ говорить о травме отсутствия корней. Для героя-мигранта реальность теряет рациональные черты, и привычные вещи, имена и пространства становятся сверхъестественными и фатальными. Таким образом, цель нашего исследования – деконструировать эту «магию отсутствия» и проанализировать механизмы, превращающие повседневную

жизнь персонажей Лахири в пространство современного мифа.

Переходя от общих теоретических положений к анализу конкретных художественных образов, необходимо прежде всего остановиться на семантике еды, который один из составляющих магического реализма в творчестве писательницы. Здесь приготовление национальных блюд перестаёт быть обычным делом и превращается в магический ритуал. В рассказе «Госпожа Сен» (из сборника «Толкователь болезней» ("Interpreter of Maladies")) нарезка еды описывается как священный акт, для которого нужен особый нож, называемый bonti.. Примечательно, что этот предмет служит как священный артефакт, пришедший из другого мира. "The blade was curved like a reaper's scythe... it was a piece of her homeland"-Лезвие было изогнуто, как коса жнеца... это был кусочек ее родины» (Lahiri, 1999, p. 115). Когда госпожа Сен готовит, пространство американской квартиры начинает преобразовываться под воздействием запахов и звуков, создавая временную иллюзию присутствия Калькутты. В данном контексте мы сталкиваемся с феноменом «вторжения» одного пространства в другое, который характерен для магического реализма, где физические границы стираются силой памяти.

Более того, важно подчеркнуть, что еда в прозе Лахири выступает в роли медиума, который связывает живых с их утраченными корнями. В романе «Тезка» Ашима Гангули пытается воссоздать вкус бенгальской закуски, используя американские ингредиенты: "Combining Rice

Krispies and Planters peanuts... she hoped to find a taste that no longer existed" (Lewis, 2011, p. 4). Эта попытка «бытовой алхимии» подчеркивает магическую природу ностальгии: персонажи пытаются синтезировать утраченную реальность из имеющихся под рукой материалов.

Таким образом, кулинарный код у Лахири – это не просто этнографическая деталь, а магическая практика, позволяющая героям удерживать ускользающую идентичность в условиях враждебного или равнодушного внешнего пространства. «Магия быта» и фольклорные мотивы в малой прозе. Логическим продолжением темы ритуального воссоздания прошлого является анализ пространственных трансформаций, в которых бытовая среда утрачивает свои привычные очертания. В данном контексте представляется необходимым рассмотреть рассказ «A Temporary Matter», где магия реализуется через категорию пространства. Отключение электроэнергии каждый день создает хронотоп «лимба», который функционирует как священное пространство. В этой темноте персонажи начинают свою исповедь, которая приобретает характер ритуального очищения. "It was a season of blackouts... They ate by candlelight, making confessions in the dark" (Lahiri, 1999, p. 8). В рамках нашей гипотезы мы склонны интерпретировать это пространство как «третье пространство» по Х. Баба (Bhabha, 1994, p. 5)— пограничную зону между жизнью и смертью, прошлым и настоящим, позволяющее призраку прошлого невидимо присутствовать во время разговора. Таким образом, мы видим, как Лахири использует классический прием магического реализма: физическое ограничение (отсутствие света) расширяет границы психического пространства, превращая обычную квартиру в мистический портал для болезненного, но необходимого искупления. Аналогичный вектор развития сюжета прослеживается и в рассказе "The Treatment

of Bibi Halдар" из малой прозы Лахири, где магический элемент вплетается в повседневную жизнь через концепцию «странного» или «жуткого» (unheimlich). Историю женщины со странной болезнью рассказывают все её соседи, что делает текст более похожим на притчу. Окружающие Биби люди считают, что её болезнь – проклятие из внешнего мира. Однако, в отличие от камерной темноты предыдущего примера, здесь «чудесное» проявляется через коллективное сознание общины. Финал рассказа, где исцеление героини подается автором как иррациональный акт, стоящий выше законов медицины, погружает читателя в магическое состояние неопределенности: "She was cured... the illness that had baffled so many ended as suddenly as it had begun" (Lahiri, 1999, p. 172). Так Лахири вплетает чудо в социальную ткань повседневности.

Также важно отметить, что герои (мигранты) живут в разорванном хронотопе. Их тело находится в хронотопе Америки (высокие здания, чистые пригородные дома и топовые университеты). Однако их душа и память остались в Индии, это другие запахи, ощущения и традиции. Сюда можно привести примером Ашиму из "Тезки", когда она готовит индийскую традиционную еду, она тем самым пытается воссоздать хронотоп Калькутты в хронотопе Массачусетса. Так происходит столкновение двух миров.

Переходя от пространственных метафор к анализу системы персонажей, важно отметить, что ключевой конфликт романа «Тезка» строится на столкновении двух хронотопов в сознании одного героя. Имя Николай Гоголь становится для персонажа тем самым «порогом». Здесь элементы магического реализма проявляются на уровне номинативного детерминизма. Имя героя, Гоголь, перестаёт быть просто антропонимом и становится магическим объектом (фетишем). Зарождение этой «магии» происходит в

сцене железнодорожной катастрофы. Том рассказов Николая Гоголя спасает жизнь Ашока Гангули. "He was clutching a single page of 'The Overcoat'... that page was his life-line" (Lewis, 2011, p. 18). Книга становится медиумом между жизнью и смертью. Когда Ашок даёт своему сыну имя Гоголь, он совершает акт магической передачи судьбы. Однако для Гоголя Гангули имя становится "хронотопом порога", о котором мы упоминали ранее. Оно удерживает его в постоянной неопределенности. Хотя он и был американцем по месту рождения, он вынужден был носить имя, принадлежащее совсем далекой культуре, нации и даже времени.

В представлении Ж. Деррида имя представляет собой «спектральную фигуру» (призрачную) для Гоголя-младшего (Derrida, 1994, p. 91). Он ощущает присутствие русского писателя как невидимого двойника. Имя обладает силой судьбы, тем самым не позволяет герою адаптироваться к американскому миру. Более того, примечательно, что в романе существует почти мистическая связь между персонажем Гоголем и писателем Гоголем: главный герой чувствует себя неловко в «Шинеле» своего имени, которое становится для него слишком тесным и удушающим. Таким образом, мы видим как магический реализм Лахири достигает высшей точки: границы между реальным современным человеком и классическим произведением XIX века как бы размываются.

Спектральность и лингвистическая магия поздней прозы В поздний период творчества Лахири переходит на итальянский язык, а магический метод становится диффузным. "It is a state of linguistic exile... a metamorphosis" -> «Это состояние языкового изгнания... метаморфоза» (Lahiri, 2016, p. 23), описывает она в своей книге "In Other Words". В данном контексте этот лингвистический маневр следует

рассматривать не просто как смену инструментов, а как трансформацию самой художественной реальности. К примеру, в романе "Whereabouts" (2018) персонажи призрачны, а город не имеет названия. В рамках теории Ж. Деррида, мы можем охарактеризовать это состояние «спектральностью повседневной жизни» (Derrida, 1994, p. 91).

Героиня существует в пространстве, которое кажется пластичным для ее передвижения и превращается в своеобразный зеркальный лабиринт, отражая ее внутреннюю пустоту. Это «акт лингвистической алхимии», в котором звуки иностранного языка создают реальность, как отмечает Роза Сарабья (Sarabia, 2019, p. 304). Следовательно, смена языка выступает как магический переход, позволяющий автору окончательно стереть границы между «своим» и «чужим». Таким образом, поздняя проза Лахири демонстрирует, что магический реализм может существовать в форме абсолютной минималистичности, где сама пустота и анонимность пространства наделяются сверхъестественными свойствами.

Смерть и присутствие отсутствия

Немаловажным в произведениях писательницы является тема смерти, которая всегда связана с магическим реализмом через категорию «присутствия отсутствия». К примеру, родители Гоголя остаются в тексте даже после их смерти. Старые письма, рецепты, книги – все это свидетельства их присутствия. Поэтому, можно сказать, что проза Лахири похожа на произведения Хуана Рульфо или Габриэля Гарсиа Маркеса из-за «спектрального существования». Тем не менее, в произведениях Лахири, это происходит на уровне психологического реализма, возведенного до уровня мифа. В «Тезке» смерть отца не является концом, а переходом в новое состояние, где он выступает как «голос в голове» своего сына и дает ему советы. Это делает семейную сагу

историей о призраках, существующих в умах людей и по сей день.

Заключение

Согласно результатам исследования, магический реализм Джумпы Лахири – это метод изображения культурной травмы. Он позволяет ей актуализировать внутреннюю боль, связанную с потерей, превращая повседневную жизнь в пространство мифа. В целом, в произведениях писательницы можно выделить три уровня магии:

- Предметный: еда и книги как талисманы.

- Номинативный: имя - это судьба.
- Пространственный: дом как «третье пространство» или «лимб».

Автор создает уникальную художественную систему, в которой призраки прошлого имеют те же права, что и живые люди. Так как Лахири показывает, как «чудесное» проникло в человеческую психику в эпоху глобализации, ее произведения являются важным примером развития магического реализма в литературе XXI века.

References:

1. Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture*. Routledge, 408.
2. Derrida, J. (1994). *Specters of Marx: The state of the debt, the work of mourning and the new international*. Routledge, 258.
3. Lahiri, J. (1999). *Interpreter of maladies*. Mariner Books, 198.
4. Lahiri, J. (2016). *In other words (In altre parole)*. Bloomsbury, 256.
5. Lewis, S. (2011). *Lahiri's «The Namesake»: A guide for the perplexed*. Bloomsbury, 176.
6. Sarabia, R. (2019). The polyglot text: Jhumpa Lahiri and the magic of translation. *Journal of Literary Studies*, 35(4), 300–315.
7. Spivak, G. C. (1990). *The post-colonial critic*. Routledge, 192.
8. Замфир, В. (2012). *Магический реализм: генезис и границы жанра*. Москва: Наука, 320.